

Дмитрий Тарасов. Сергей Павлович Королев, который работает консьержем. СПб.: Союз писателей России, 2021. — 344 с.

Место действия романа «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем» — старинный дом в центре Петербурга. Ныне там проживают преуспевающие люди со средствами: архитектор, владелец издательства, зубной врач, музыкант, владелец торговых точек на рынке, бизнес-леди, инженер, трепетный музыкант. Обычное по нынешним временам дело: кто-то из них окажется не тем, за кого себя выдает, есть мошенники, есть и жертвы. Рядом с домом то с шумом возводят постамент для памятника (Бабе Яге? Софье Ковалевской?); у подъезда то торгуют с машины помидорами, то снимают кино. Затеваётся конфликт между домоуправительницей Ниной Андреевной, женщиной без сострадания и без жалости (она — бывший профсоюзно-партийный работник при должностях, что определило ее характер), и новым консьержем, неуклюжим, нерасторопным толстяком, которому еще предстоит завоевать симпатии собственников жилья. В схватке домоуправительнице не может помочь даже ее любящий муж, вездесущий шпион местного значения: консьержу покровительствует сам бизнесмен Палкин, занимающий целый этаж в доме. Постепенно раскрывается, кто есть кто в этой истории, какие темные тайны скрыты в прошлом, насколько неотвратимо воздаяние за давние проступки. Уже в этом романе проявляются характерные для прозаика Дмитрия Тарасова черты: точно дозированный гротеск, некое лукавство, доверие к читателю. И если само имя принципиальной партийки Нины Андреевны многое скажет читателю старшего возраста, то для читателя любого возраста образ консьержа легко увязывается и с авиаконструктором Королевым, и с Карлсоном. Всегда одетый в один и тот же темно-синего цвета комбинезон, местами с дырками, местами с жирными и пахучими пятнами, консьерж неустанно починая моторчик, изготовленный в 1929 году на шведском заводе «Тидахольм Брук», и готовится к полету. Собственно, бизнесмен и консьерж еще в далеком прошлом позиционировали себя как Мальш и Карлсон, давно расстались, случайно встретились. А вот почему уже в новое бытование на обещание бизнесмена: «Мы с тобой еще летаем, обязательно летаем!» — друг детства ответит: «Боюсь, мой старенький мотор выдержит теперь только одного Карлсона». Разгадка лежит в сфере нравственных проблем, которые поднимает в своем романе Д. Тарасов. Сюжеты произведений Д. Тарасова многообразны и свежи. Уже само название второй части книги — «Петербургские (по) вести» — отсылает к Гоголю. И вот, избегая больших улиц, «где стук, гром и блеск», идет господин Яновский в скучное здание канареечного цвета на другом берегу Невы, в Патриотический институт, читать лекции офицерским дочерям, «для которых элементарные начала истории и то есть высшая математика». По пути заходит в цирюльню, где мастер бритвенных дел в ходе бритья нахваливает «редкий, прямо выдающийся» нос господина Яновского, за который удобно братья. Зачем-то для поддержания разговора господин Яновский выражает желание снять квартиру, знакомится с майором Полукирпичниковым. Сказавшись директрисе Патриотического института больным, следует в Академию художеств, где замещает непришедшего натурщика, а затем забирает одну из студенческих работ, где изображен только нос, и дома дорабатывает рисунок. «Нос оставался, где должно, только теперь его нельзя было назвать таковым, ибо он был в мундире, шитым золотом

с большим стоячим воротником, на нем были замшевые панталоны, а при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника». Цепочка событий, встреч, бесед, размышлений воссоздает, казалось бы, неуловимый процесс рождения повести Гоголя «Нос». В рассказе «Господин Яновский» выверено каждое слово, чувство времени безукоризненно, погружение в эпоху полное. Тонкой мистикой Петербурга пронизан рассказ «Ряженные, или Паровая машина Джеймса Уатта». В Екатерининском саду в центре города собираются цари да поэты, ряженные, что за деньги фотографируются с туристами. Петр со своей Екатериной, Екатерина Вторая, Пушкин и Наталья Николаевна, Гоголь, Маяковский, Ленин, потом появится и Иван Сергеевич Тургенев, но уже не ряженный, а сотрудник РНБ. Будет и Лев Николаевич, торговец сувенирами, устроившийся у входа в сад со стороны Невского. Под масками, под карнавальными костюмами, под гримом и париками — люди со своими характерами, судьбой, желаниями. Надевая чужую одежду, они старательно примеряют речь, мимику, жесты своих персонажей, и порой им трудно провести границу между собой и своим персонажем. «Хотелось, чтобы, было как у Гоголя, особенно глаза, и он подолгу то прищуривался, то поднимал брови, то старался наполнить себя изнутри гоголевской печалью, — пока не появлялся в примерке кто-нибудь из коллег». «Николай Васильевич, а ты не заигрался ли часом? Может, ты и себя великим писателем считаешь? А видишь ли ты разницу между собой, и тем, кого изображаешь?» Заигрался. События, встречи, диалоги вполне фантазмагорические. Финал драматический: отождествляющий себя с Гоголем персонаж восстает против прогресса. Д. Тарасов — писатель петербургский. Город присутствует в его произведениях конкретными адресами, домами, улицами. Как, например, дом в романе «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем» — в стиле модерн, богато украшенный лепниной, с башенками по углам; или залы и подвалы Эрмитажа в рассказе «Кот»; или мемориальная квартира Пушкина на Мойке, 12 (рассказ «Легкость»). А еще Д. Тарасова можно назвать писателем «культуроцентричным», настолько органично в его произведения входят литература, живопись, культурный мир города на Неве. Петербург, культурный слой, неожиданные повороты сюжета, эффектная концовка, изящный гротеск, тонкая ирония сошлись в финальном рассказе «Русский разговор», где в извечном споре «Россия и Запад» сталкиваются «либерасты» и патриоты. Коллекционер-россиянин либерального толка, презирающий все отечественное, и критически настроенный к западной цивилизации потомок эмигрантов, приехавший взглянуть на город и дом предков. Коллекционер-россиянин и его дядюшка, бывший инженер, строитель подводных лодок, ненавидящий Запад, «пятую колонну» и псевдокоммунистов, разваливших любимую страну. У каждого свой зомби-ящик: у одного телевизор с политшоу, у другого компьютер с любимыми сайтами. И еще одна пара оппонентов: портреты Достоевского и Тургенева, оказавшиеся рядом в Русском музее. Точку в спор вносит присоединившийся к ним портрет потомственного военного из рода старого прусского рода, офицера Генерального штаба. Этой очень петербургской книге предпослано посвящение матери, пережившей страшную блокаду: рассказ «Тот день», воспоминания пожилой женщины о маленькой девочке, встретившей первый день войны, 22 июня.

Олег Трушин. Федор Абрамов. Раненое сердце. М.: Молодая гвардия, 2021. — 447 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей; вып. 1876).

«В Федоре Абрамове все сложно, — пишет Олег Трушин. — И личность, и время, в которое он жил. Даже в когорте писателей-деревенщиков его фигура стоит особ-

няком — в своем творчестве он ни разу не отступил от выбранного им направления в прозе — писать о жизни деревни, писать честно и искренне, так, как до него этого не делал никто». Портрет Федора Абрамова (1920—1983), писателя и человека, О. Трушин рисует на фоне большой истории. И здесь имеет значение все: происхождение — отец занимался извозом в Архангельске, мать — крестьянка из староверов; раннее сиротство — отец умер, когда Федору был год; даже место рождения: старинное селение Веркола на реке Пинеге в Архангельской области. С шести лет Федор стал выходить на покос: чтобы выйти из нищеты, работали все: мать и ее дети — четыре сына и дочь. Из воспоминаний Ф. Абрамова: «К 1930 году, моменту вступления в колхоз, мы были одной из самых состоятельных семей. У нас было две коровы, две лошади, жеребенок, бык, штук десять овец, и все это сделала, сотворила наша детская колония, детская коммуна...» В период непримиримой борьбы с кулачеством от крепкого хозяйства Степаниды Абрамовой не останется и следа, крепкий дом в 1948 году разберут за долги. Ученик Ф. Абрамов, из «маломощных середняков», будет подавать заявления в Веркольский сельсовет с просьбами выделить деньги на приобретение обуви и одежды. О. Трушин рассказывает, как провинциальные учителя, поддержка семьи, целеустремленность самого Ф. Абрамова позволили ему без экзаменов поступить на филологический факультет Ленинградского университета, где будущий писатель «учился не чтобы сдать, а чтобы знать». После третьего курса 24 июня 1941 года Ф. Абрамов ушел добровольцем в народное ополчение. В 1941 году он с небольшим интервалом получает два тяжелых ранения. Особенно сложным оказалось второе: в госпитале Абрамову едва не отняли ногу. Затем была служба в Смерше. Рассказано обо всем подробно, с выдержками из документов. Констатируется, что военные годы изменили характер Ф. Абрамова: «Человек ранее спокойный и уравновешенный, он стал вспыльчивым, взрывным, нетерпимым к злу, к бесполезному времяпровождению, осторожным в отношениях с людьми. И в то же время укрепились человечность, доброта, отзывчивость, желание помочь». Окончив с отличием филфак ЛГУ (1948) и аспирантуру, в 1950-е годы Ф. Абрамов преподавал в ЛГУ. Темной страницей в его биографии стало участие в травле профессоров-космополитов», чего он впоследствии стыдился. И никогда больше не выступал с «разоблачениями». Как своеобразный акт самосожжения рассматривает Трушин отказ писателя выступить против Солженицына и Сахарова. О. Трушин считает, что у Абрамова был «ангел-хранитель», отводивший своего подопечного от «блестящей служебной перспективы». Так, вместо Абрамова в 1945 году в Академию МВД в Москву был направлен начальник 4-го отделения Рюмин, он вел дело врачей и в 1954 году был расстрелян. И так же впоследствии Абрамов «избежал» назначения в Ленинградский обком, ибо был связан с «неблагонадежным лицом», своей будущей женой Л. Крутиковой, побывавшей в оккупации. И все-таки жизнь писателя — это в значительной мере его произведения. С 1949 года Ф. Абрамов публиковал литературно-критические статьи о советской литературе, с 1952 года его рассказы появляются в ленинградских журналах — «Неве» и «Звезде». В 1958 году в журнале «Нева» был опубликован первый роман Абрамова «Братья и сестры», доброжелательно встреченный критикой. В 1960 году Абрамов оставил кафедру в ЛГУ и вступил в Союз писателей. Каждая его книга, каждое выступление, статья — это вехи его биографии. В центре внимания биографа оказываются книги, журнальные публикации, статьи, их анализ и смыслы, их путь к читателю (как правило, нелегкий), отклики читателей и критиков. Сквозной становится тема «времена и нравы»: «проработки» в партийных и писательских инстанциях, цензура, негласные запреты на печать. В 1954 году Абрамов под угрозой увольнения из ЛГУ был вынужден признать ошибочность своей статьи «Люди

колхозной деревни в послевоенной литературе» («Новый мир»), где выступил против лакировки положения дел на селе. И в течение двух лет роман «Братья и сестры» не принимали к публикации», писателю отказали журналы «Октябрь» и «Новый мир». Повесть «Вокруг да около» («Нева», 1963) вызвала постановление Ленинградского горкома КПСС об искажении колхозной жизни, главного редактора журнала С. Воронина сняли с работы. Положительные отзывы на «идейно порочную» статью изымали из уже набранных номеров газет и журналов. Ф. Абрамова несколько лет нигде не печатали. Несть числа подобным примерам. О. Трушин проясняет, почему так непросто складывалась писательская судьба Абрамова. Острый разговор о судьбе русской деревни: о вырождении земли-кормилицы, об умирающих деревнях, о нехватке рабочих рук на земле, об административно-чиновничьем засилье вступал в противоречие с политикой партии в области сельского хозяйства. И все-таки книги Ф. Абрамова о людях северной деревни пробивались к читателю. За трилогию «Пряслины» Ф. Абрамову присуждена была Государственная премия СССР (1975). Времена и нравы, это и отношения Абрамова с собратьями по перу, с редакторами журналов К. Симоновым, А. Дементьевым, А. Твардовским, С. Наровчатовым, секретарем ЦК КПСС П. Демичевым. Особые страницы в книге — обширная глава, посвященная театральным постановкам произведений Абрамова. Наибольшую радость писателю, опасавшемуся перевода своей прозы на язык театра, принесли три постановки: «Деревянные кони» в Театре на Таганке (1974), «Братья и сестры» в учебном театре при Ленинградском театральном институте (1978—1979), «Дом» в Малом драматическом театре Ленинграда (1980). Особые отношения сложились у Ф. Абрамова с Малым драматическим театром, его актерами и режиссером Л. Додиним. Конечно, О. Трушин рассказывает и о личной жизни писателя, о том, как непросто строились его отношения с будущей женой Л. Крутиковой; о «творческих лабораториях» писателя в Комарово, в доме брата в Верколе, а потом и собственном (с 1974 года) доме в родной деревне, который он любовно обстраивал собственноручно. В основу жизнеописания положены не только воспоминания тех, кто знал писателя, личное общение с вдовой писателя, но и материалы, хранящиеся в Санкт-Петербурге в личном архиве Ф. Абрамова ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). О. Трушин впервые исследовал данный архив, что помогло ему раскрыть множество новых фактов, касающихся и литературной деятельности, и подробностей личной жизни писателя, прежде представляющие тайну. В приложении приведены основные даты жизни и творчества Ф. Абрамова.

Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах

«Русского архива». Вступ. ст., коммент., ук. В. М. Безотосный.

М.: Кучково поле: ИКС-ИСТОРИ, 2021. — 416 с.: ил.

Не все мемуары доступны широкому кругу читателей. Что-то, исходя из рыночного спроса, значительности личности мемуариста, в силу литературных достоинств постоянно переиздается: воспоминания А. Ермолова, Н. Дуровой, Д. Давыдова... Что-то попадает в сборники. Но самая значительная часть воспоминаний остается в до-революционных, почти забытых, малодоступных ныне журналах. Среди таких журналов — «Русский архив». Его основателем и редактором-издателем был выдающийся архивист-историк, археограф и библиограф П. И. Бартнев (1829—1912), после его смерти дело продолжил его внук. На страницах этого журнала систематически публиковались воспоминания о войне с Наполеоном. Некоторые писались по просьбе издателя. Лучшие из мемуаров, посвященные эпохе 1812 года и увидевшие свет

на страницах «Русского архива», вошли в эту книгу. Их авторы — люди самого разного возраста, социального и служебного положения. Представлены различные точки зрения на войну и события той поры: от начала военных действий до взятия Парижа в 1814 году и зарубежного похода русской армии. Мемуарный комплекс охватывает широчайшую географию событий: Литва, Белоруссия, Украина, Молдавия, российские губернии, Москва и Петербург, Польша, Германия, Франция. В центре внимания мемуаристов военно-политические события. А также слухи в преддверии нападения Наполеона, тревоги, волнения, толки накануне исхода из Москвы, настроения в обществе. Мемуаристы делятся личными впечатлениями об основных военных баталиях, участниками которых были сами: под Смоленском, Бородином, Тарутином, Малоярославцем, Красном, на Березине, под Кульмом, Лейпцигом, Парижем. Это в первую очередь рассказы военачальников и офицеров: В. Перовского, И. Липранди, Н. Дивова, М. Муромцева, А. Мартоса, Н. Андреева, П. Тучкова, Ф. Фаленберга, А. Ланжерона. Это и сражения, и тяготы военных походов, горечь потерь и радость побед, подробности армейских будней и незамысловатый военный быт той эпохи. И бесславное бегство отягощенного награбленным врага. Многие авторы брались за перо уже в преклонном возрасте и то, что казалось когда-то спорным, сомнительным, в ретроспективе получало четкую оценку: споры Баркляя де Толли и Багратиона, отход после Бородина, оставление Москвы. П. Граббе (1789—1875), в 1810—1812 годах военный агент при дипломатической миссии в Мюнхене (впоследствии один из самых успешных командующих Кавказской войны), анализирует упущенные Наполеоном возможности, помешавшие ему выиграть войну, и наши просчеты. Среди авторов есть и гражданские лица, вставшие «в годину бед, в годину славы» в ряды ополчения: М. Евреинов и А. Шаховской. Их воспоминания передают атмосферу и настроения московского общества накануне сдачи города, повествуют о формировании ополчения и участии его в боевых действиях. Русский драматург А. Шаховской (1777—1846) был назначен командиром дружины, сформированной из ратников тверского ополчения. Когда он вместе с ополченцами прибыл в Клин, то узнал о вступлении врага в Москву. Потом под его начальством дружина вошла в Москву, только что оставленную французами, и участвовала в тушении пожаров. К теме сожженной Москвы он часто возвращался в своих произведениях. Разграбленные дворцы и церкви Москвы, вскрытые гробницы, здания без крыш и окон описывают и другие авторы воспоминаний (М. Евреинов, А. Хомутова). А. Хомутова (1787—1858) вела поденные записки о своей текущей жизни, фактически о жизни высшего московского общества того времени. Эти наблюдения впоследствии были приведены в порядок, но не утратили своей первоначальной свежести, удивительного сочетания юмора и скорби. «22 июля Мария Никитишна желала еще раз блеснуть своим изящным туалетом на бульваре. Там стучали шпоры и толпилось множество новых военных, так как все чиновники променяли перо на шпагу». Она также рассказывает о жизни в Рыбинске, куда выехала ее семья, о возвращении в Москву на пепелище. Насельники ее воспоминаний конкретные люди, в том числе известные и ныне: «прекрасный и печальный» Александр I, Василий Пушкин, Вяземский, Карамзин. Среди авторов есть и близкие знакомцы А. Пушкина: граф А. Ланжерон, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии с 1815-го по 1822 год, что мучил поэта чтением своих стихов и трагедий; И. Липранди, отмеченный за храбрость многочисленными наградами и золотой шпагой, лучший друг Пушкина в период кишиневской ссылки, которого поэт изобразил в образе загадочного Сильвио в повести «Выстрел». Авторы мемуаров оставили интересные заметки о крестьянском сопротивлении, казалось бы, неожиданном за полвека до освобождения крестьян. «Чем дальше шла армия вглубь

страны, тем безлюднее были встречавшиеся селенья, и особенно после Смоленска. Крестьяне отсылали в соседние леса своих баб и детей, пожитки и скотину; сами же, за исключением дряхлых стариков, вооружались косами и топорами, а потом стали сжигать свои избы, устраивали засады и нападали на отсталых и бродячих неприятельских солдат» (А. Бутенев). Воспоминания о пребывании во французском плену оставили бригадный генерал П. Тучков (Тучков-третий) и прапорщик В. Перовский. Для генерала, почетного военнопленного, условия плена были вполне комфортны, прапорщик стал свидетелем того, как французы расстреливали на дороге ослабших от голода, холода, ран русских пленных, в колонне которых шел он сам. Большинство авторов – очень молодые люди, 1789–1792 годов рождения. Поэтому неудивительно, что двадцатилетний П. Фаленберг, получив полугодовое жалование серебром на покупку лошадей и прочее, вместо того, чтобы заняться делом, зашел в трактир и проигрался в карты. Что столь же молодой М. Евреинов отъехал к матушке в подмосковную усадьбу, да отстал от своего полка. Что М. Муромцев (1790 года рождения) так тепло вспоминает рестораны, кафе, театры Парижа. Уникальные источники дают возможность увидеть эпоху 1812 года, когда, по выражению П. Граббе, Россия, «восставши против завоевателя, затмившего тогда всех завоевателей, историю прославленных, измерила самое себя, свои силы и возможности». Увидеть и подлинные образы современников великой войны. «Война и мир» Л. Толстого в мемуарах. По возможности включены вступительные статьи редакции журнала «Русский архив», даны примечания П. Бартенева, а также современные, сделанные В. Безотосным.

Жозеп Фонтана. Европа перед зеркалом: Критика исторических представлений. Пер. с исп. В. Литуса, В. Петрова. СПб.: Александрия, 2022. – 256 с. – (Серия «Становление Европы»).

Испанский историк Жозеп Фонтана (1931–2018) повествует о том, когда и как Европа стала «центром мира», как, на протяжении веков отражаясь в кривых зеркалах, формировалась общеевропейская идентичность, с которой мы имеем дело ныне. Отсчет идет от Древней Греции, прямыми наследниками которой на рубеже XVIII–XIX веков стали считать себя европейцы. Ж. Фонтана показывает, что насколько лжив портрет древних греков, созданных ими самими, настолько же фальшива и вся их история. Неверно, что греков отличал от варваров более высокий уровень знаний, наук и культур. Прародителями письменности были шумеры, решительный прорыв в ее развитии сделали финикийцы. Велик вклад азиатских народов в геометрию, астрономию, медицину. В формировании эллинистической культуры – смешении греческих и восточных традиций – с давних времен участвовали и арабы. И позднее через посредничество исламского мира Европа заимствовала многочисленные научные и технические достижения Востока. Миражом являются греческие свободы и демократия, распространившиеся на небольшую группу людей и имевшие другое значение, чем ныне. И именно в Древней Греции в ходе греко-персидских войн впервые появился негативный образ «другого». Этому немало способствовал театр, представивший целую галерею ужасов всех мастей и оттенков в мире варваров: кровосмешения, злодеяния, человеческие жертвоприношения. Варварам противостояли благородные греки. Фантазии на «варварскую» тему подхватили римляне. В итоге, пишет Фонтана, привычка созерцать человечество через деформированное отражение варварского зеркала мешала римлянам осознать, что за пределами Римской империи лежат другие культуры и даже искусства и науки, превосходящие

их собственные. И не варвары погубили Рим, считает он, но внутренние проблемы империи, в первую очередь — углубление неравенства. Следуя от эпохи к эпохе, Фонтана показывает, как и под влиянием каких факторов складывался менталитет европейцев. «Реабилитируя» «темные века», он показывает насыщенную жизнь в глобальном пространстве средневековья, включающем и новые европейские королевства, и азиатские государства, и Россию. И в то же время именно тогда началось и закрепилось введение «единообразия мыслей в Европе». Он пишет о том, как, начиная со времен императора Константина, исчезало многообразие христианских учений и религиозных групп: гностицизм, арианство, монтеизм, манихеи, катары, тамплиеры. Суть многих «раскольничьих» религиозных течений дошла до нас из судебных приговоров, а там запечатлен искаженный образ. Установив собственную власть, христианская (католическая) Церковь вынуждена была создать новую историю христианства, уничтожая все черты раннего христианства. Во время и Реформации, и Контрреформации римская Церковь боролась с колдунами и еретиками. Она не допускала существования неподконтрольной ей культуры. «Священные войны» велись против инакомыслящих, инаковерующих и за пределами католического мира: крестовые походы объявлялись против ислама, против «язычников». Для европейцев Восток был страной чудес и несметных богатств, мусульмане же считали Европу полудивилизованной: грязные церкви и города, немытые люди в нестираных одеждах, расплзающихся в клочья. Фонтана разоблачает многие лжемифы о столкновениях ислама и христианства. Он пишет и о том, как кровью, огнем и мечом рыцаритетовцы овладели телами и душами прибалтийских народов. Дух крестовых походов, считает историк, «искажил наше восприятие ислама — и не только его, но восточного христианства, заставив исключить из истории Европы Византию (в которой мы видим упадочную цивилизацию с „восточными“ чертами), а также Россию, рожденную из поразительного скандинавско-славяно-монгольского сплава. И, главное, „азиатское христианство“». В установлении «европейской идентичности» значительную роль сыграли и вековая борьба власти с народными массами. «Грубый, тупой и злобный» крестьянин, угрожающий установленному порядку, «явился» в конце средних веков, в период экономического упадка, вызванного не только чумой, но и падением платежеспособности набравших кредиты монархов и знати. Последовала цепь долгих крестьянских войн. Страх перед массами возрос с 1793 года. Скрытая борьба с массами, уже не крестьянами, а рабочими и служащими, у которых отбирают завоеванные профсоюзами минимальные гарантии, идет и сегодня, считает автор. Среди поднятых им проблем актуально обращение к эпохе Великих Открытий. Именно тогда, с XVI века самосознание европейцев основывалось уже не на религии, а на чувстве морального и интеллектуального превосходства над другими народами, «изначально неполноценными» неевропейцами, что сделало возможным геноцид и работорговлю, империалистические захваты. Представление о «природной» неполноценности «дикарей» узаконили европейские натуралисты XVIII века. Последствия этих взглядов для коренных народов Америки, Океании, Австралии трагичны, а сегодня эти устойчивые взгляды объясняют равнодушие «просвещенной Европы» к войнам на далекой и близкой от нее периферии. Блестящий знаток истории Ж. Фонтана свободно оперирует данными, именами, событиями, обращая внимание на детали и демонстрируя широкий взгляд на исторические процессы. Он один из немногих интеллектуалов Старого Света, выступающий против теории европейского превосходства. Он считает, что европейская версия всемирной истории фальсифицирована. Умалчивается, что всемирный прогресс шел не только за счет европейцев, но и неевропейцев; искажено прошлое Индии и Китая; создан карикатурный образ Востока; ложно

представление, будто европейцы пробудили от долгой спячки страны Южной и Юго-Восточной Азии; неадекватна оценка природосберегающих технологий коренных народов Америки, Африки, Азии. Все это в конечном счете дает возможность свети всю мировую историю к истории Европы и в кривых зеркалах увидеть свой «благородный», но далекий от реальности образ европейца. Книга Ж. Фонтана, впервые опубликованная в 1994 году, позволяет понять многие современные события и процессы.

Никита Белов. Федор Хромой — боярин и воевода Ивана III.

СПб.: Евразия, 2022. — 160 с.

Биографии московских полководцев Ивана Великого (правил в 1462–1505 годы) попали в поле зрения исследователей только в 80–90-е годы XX века. Одним из обойденных вниманием историков полководцев Ивана III является и Федор Хромой (?–1482–1483). Не великий полководец. Не первоклассный дипломат. Не прозорливый политик. И в то же время один из тех, кто рядом со своим государем крепил и защищал нарождающееся Российское государство. Имя его эпизодически возникало в трудах отечественных и зарубежных историков. В начале XXI века он вернулся из небытия в телесериале «София», где главная героиня — вторая супруга Ивана III, Софья Палеолог. Книга Никиты Белова — первое жизнеописание боярина и воеводы Федора Давыдовича Хромого. Материал исследователь собирал по крупицам. Ведь даже дата смерти героя книги точно не установлена. 1482, 1483? Родоначальником Хромых считается новгородский боярин Гаврила Олексич, герой битвы, которую назовут «Невской». В 1330-х годах его потомки перешли на службу к московским князьям, неизменно занимая высокие посты при каждом правителе. Родословная и предки обеспечили Федору Хромому высокие стартовые позиции для карьеры. Но помимо родословной, указывает исследователь, чтобы подняться вверх по служебной лестнице, требовались еще и личные качества, личные заслуги. Автор рассказывает о военной и административной службе Хромого, его землевладениях, положении в «обществе», семье. Впервые в источниках имя Федора Хромого появляется в связи с костромским «стоянием» — в Костроме он был третьим воеводой. Далее началось новгородское служение. Он был вторым воеводой в отряде прославленного полководца Даниила Холмского. Участвовал в новгородской экспедиции 1471 года. После двух московско-новгородских битв (при Русе и у Коростыня) решительное сражение произошло 14 июля 1471 года на левом берегу реки Шелони. Новгородское ополчение под командованием сына Марфы Посадницы Дмитрия Борецкого потерпело тяжелое поражение, что предопределило окончательное поражение Новгородской республики и подчинение ее Москве после московско-новгородской войны 1477–1478 годов. Н. Белов по возможности точно воспроизводит все детали военной кампании 1471 года. В 1471 году приводить новгородцев к целованию Ивану III и контролировать выплату контрибуции был послан герой этой кампании Федор Хромой. Через год, летом 1472 года, боярин Хромой появляется на южном «фронте», где на Москву наступал хан Ахмат. Хромой возглавлял коломенский городской полк, который «прежде всех» двинулся к окским берегам. Преданного боярина Иван III старался по возможности отправлять в «небывшие» экспедиции большой важности. Именно Хромой в ноябре 1472 года встречал на подъезде к Москве великокняжескую невесту Зою Палеолог, и это он потребовал от папского легата спрятать католический «крыж» в сани. Хромой принимал участие в дипломатических миссиях в Великий Новгород в 1475 и 1477–1478 годах. Осенью 1477 года участвовал в третьем походе Ивана III на Новгородскую республику. Ко-

мандуя отдельным отрядом, по льду перешел Ильмень и в одну ночь занял все окрестности города. Были в служении Ф. Хромого и огрехи. В 1470-е годы, будучи наместником в Коломне и ведя судебное дело, он проштрафился, приняв богатый «посул» (кунью шубу и 15 рублей) от монастырских властей, ведущих тяжбу с черносошными крестьянами. В результате спорное сельцо отошло монастырю. В последнее десятилетие своей жизни Федор Хромой играл одну из высших ролей в «высшем эшелоне» управленческой элиты. От брака с дочерью боярина Якова Захарьевича Кошкина имел двух сыновей Григория и Петра, чью судьбу проследивает автор. Род Хромых прервался при Иване Грозном: единственный внук Федора Хромого, воевода и дипломат высокого ранга, земский боярин Иван Петрович Федоров был зарезан опричниками в кремлевских палатах. Некогда процветавший, хотя и малочисленный род Федоровых–Давыдовых–Хромых пресекался. В книгу помещены хроника жизни боярина Федора Давыдовича Хромого и родословная Хромых. Большое внимание уделено проблемам работы с источниками. В частности, рассказано о неправомерном слиянии двух разных исторических персонажей: Федора Давыдовича Хромого и Федора Давыдовича Пестрого, служившего отцу Ивана III, Василию Темному. Приведены поздние известия о Шелонской битве, краткие заметки и материалы, извлеченные из разных источников. Дана краткая характеристика этих источников.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)